

О ДОСТОИНСТВЕ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Николай Александрович Шавело

В данной статье я ставлю вопрос о том, какова идейная основа современной идеологии прав человека, и делаю вывод, что таковая заключается в понятии человеческого достоинства. Анализируя далее понятие человеческого достоинства, я обнаруживаю, во-первых, его существенную эволюцию в ходе истории при постоянном сохранении двойственности его значений, во-вторых, искажение этих фундаментальных значений применительно к современным теориям прав человека, берущим свои истоки в идеях естественного права и общественного договора Нового времени. Далее я обсуждаю соотношение правового и морального идеалов и делаю вывод о том, что возвращение понятию человеческого достоинства его исконных значений позволит по-другому взглянуть на проблему ограничения прав человека в интересах нравственности и найти консенсус между различными либеральными и иными воззрениями в современном политическом и правовом дискурсе.

Человеческое достоинство как идейная основа прав человека

Идеология прав человека в настоящее время является доминирующей в политических и юридических дискурсах справедливости. Вместе с тем философские основания, которые лежат в основе данной идеологии, порой затушевываются: ученые сосредотачиваются либо на анализе конкретных авторских теорий справедливости (либеральной, коммунитаристской, марксистской и пр. направленности), либо на интерпретации конкретных норм международного или внутригосударственного права и содержании конкретных прав человека. Однако для того, чтобы дать оценку обоснованности тех или иных прав и свобод человека и гражданина, следует иметь в виду не только воззрения отдельных мыслителей на справедливость, но и — в более широком плане — ценностные основания того идеологического консенсуса, который сложился в мировом сообществе. Конечно, таких

ценностных оснований в принципе может и не быть, и тогда каждое государство признавало бы те или иные права человека, исходя из своих собственных конъюнктурных причин. Но мы полагаем, что они все-таки есть, и заключаются они в представлениях о человеческом достоинстве.

Так, судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь по результатам анализа важнейших международно-правовых документов отмечает следующие аспекты нормативно-правового содержания достоинства человека как ценностной категории международного права: во-первых, достоинство рассматривается как неотъемлемое свойство человека как биосоциального существа; во-вторых, достоинство изначально было интегрировано в перечень основных прав и свобод; в-третьих, достоинство изначально понималось не только как одно из основных прав, но и как (sic!) исходное основание всей системы прав и свобод человека и гражданина; в-четвертых, признается равное достоинство каждого человека; в-пятых, категория достоинства признается в качестве универсальной и абсолютной правовой ценности; в-шестых, признается необходимость не только индивидуальной, но и коллективной ответственности государств по защите человеческого достоинства¹. В своей аргументации того, что достоинство является исходным основанием всей системы прав и свобод человека и гражданина, автор ссылается, в первую очередь, на преамбулы и статьи Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международных пактов о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., но добавляет, что в соответствии с этим в последующих актах ООН понимание достоинства человеческой личности как основы всех прав и свобод постепенно наполнялось нормативным содержанием применительно к отдельным, наиболее важным и проблемным сферам общественных отношений. Действительно, анализ международно-правовых актов показывает, что именно понятие человеческого достоинства было главной идейной основой при закреплении прав человека. Конечно, на внутригосударственном уровне эта логика прослеживается не всегда, но, например, статья 1 Основного Закона ФРГ прямо признает человеческое достоинство в качестве основы для признания «нерушимых и неотчуждаемых прав человека». Несмотря на то, что в Конституции РФ достоинство человека закреплено лишь в качестве одного из основных прав, Н. С. Бондарь убедительно доказывает, что сложившаяся практика Конституционного Суда РФ демонстрирует широкое использование понятия достоинства в качестве универсального критерия и инструмента аргу-

¹ Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

ментации при нормоконтрольной оценке законов на их соответствие требованиям Конституции РФ.

Понятие человеческого достоинства: общий анализ

Если человеческое достоинство является основой идеи прав человека, то возникает острая необходимость определить это понятие. В международно-правовых документах имеется лишь отсылка к нему, а не его определение. Следовательно, нам приходится обращаться ко всей мировой философской мысли или, по меньшей мере, к философским словарям. Мы не ставим перед собой цель подробно изучить историю представлений о достоинстве человека, и ограничимся лишь кратким очерком.

Итак, понятие человеческого достоинства существует с древнейших времен. Однако очевидно, что раньше достоинство человека зависело не только от его качеств, способностей и поступков (например, от того, насколько искусным охотником или воином он является), но также и от его происхождения, членства в коллективе, знатности и социального статуса (например, цари и благородные сословия обладали несравненно большим достоинством): идея общечеловеческого достоинства, равно как и общечеловеческой нравственности, была долгое время неизвестна.

С распространением христианства в Западном мире получает поддержку взгляд на человека как на «образ и подобие Божие», поэтому наряду с прежними критериями человеческого достоинства люди начинают наделяться достоинством и сами по себе как носители свободной воли (Пелагий, Аквинский, Мирандола и др.). Но лишь в Новое время появляются учения, не просто признающие достоинство человека как такового, но и отрицающие зависимость достоинства от происхождения, сословия и знатности (Гоббс, Локк, Руссо и др.), что кристаллизировалось в Декларации независимости США 1776 г.¹ В это же время в рамках проекта Модерна возникают представления об универсальной нравственности.

В результате если раньше достойными считались только люди, принадлежащие к некоей социальной группе либо обладающие качествами, ценимыми локальной моралью, то теперь достоинство признается за каждым, а достойными называются качества, соответствующие универсальной морали (хотя представления о последней, естественно, постоянно меняются в зависимости от социальных условий и различны у разных социальных групп). Определения человеческого достоинству философы дают теперь, как правило, в контексте идеи свободного мо-

¹ Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, 2009. С. 6–80.

рального выбора личности¹. Эти определения, в меру упрощая, можно свести к следующему: человек способен делать самостоятельный выбор между добром и злом, реализовывать свое понимание смысла жизни и проявлять свою индивидуальность в обществе, и поэтому от природы обладает достоинством и ценен сам по себе, при этом чем более нравственен человек, тем большим достоинством он обладает. (Более широкое понимание человеческого достоинства можно встретить, например, у Д. Юма, который связывает его с человеческим сознанием вселенских пространств, хода истории, а также самого себя в них², или в известном определении человека как «мыслящего тростника» у Б. Паскаля. Подобный подход связан с выделением вообще любых особенностей, выделяющих человека из мира природы).

Унижением человеческого достоинства, при таком (узком) подходе, следует считать либо отрицание за человеком как моральным существом возможности свободного выбора, самореализации и всестороннего развития (см. напр., ст. 7, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, преамбулу, ст. 1, 5, 22, 23 Всеобщей декларации прав человека), либо действие, которое дает необоснованный повод усомниться в соответствии морального облика конкретного человека принятым в обществе стандартам (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128.1 УК РФ, ст. 152 ГК РФ). Вместе с тем, закрепляя важнейшие гарантии защиты человеческого достоинства, законодатели и судебные инстанции до сих пор, как правило, избегают определять само это понятие³.

Вышеизложенное позволяет выявить одно из понятий человеческого достоинства, а именно его двойственность: с одной стороны человек обладает достоинством сам по себе, с другой стороны — лишь как отвечающий определенным критериям нравственности (либо как отвечающий иным определенным критериям, например, когда говорят, что человек достоин той или иной должности или звания), и с этой второй точки зрения достоинством человека наделяет общество⁴. И в этой связи нельзя не провести аналогию с классическим

¹ Обзор в историческом ключе см.: *Коломиец Г. Г., Воронаева Ю. П.* Этика человеческого достоинства в Новое время // Вестник ОГУ. 2015. № 3(178); в правовом ключе: *Власова О. В.* Формально-правовое закрепление ценности «человеческое достоинство» // Вестник ЮГУ. 2007. № 2(7); в философском ключе: *Кузнецов В. В.* Власть духа как сущность человеческого достоинства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 21—1.

² *Юм Д.* О достоинстве и низменности человеческой природы // Соч. М., 1996. Т. 2. С. 523—529.

³ См., напр.: *Васильева Т. А.* Концепция достоинства личности в доктрине и практике органов конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 3—8.

⁴ Второе из названных значений можно встретить, напр.: *Гоббс Т.* Соч. М., 1991. Т. 2. С. 67, 73.

воззрением на права человека как на права естественные и неотчуждаемые, т.е. принадлежащими человеку как таковому, в силу его природы¹: ни о какой зависимости от нравственности или от иных общественно значимых качеств здесь речи не идет.

Право и достоинство по И. Канту

Согласно Канту, достоинство человека означает его бесценность (безусловную ценность)²: человек всегда есть цель, и не может быть только средством. Достоинство человека при этом обуславливается тем, что он способен сам устанавливать себе закон, не подчиняясь склонностям и потребностям, т.е. он является существом моральным. Установленный таким образом закон является всеобщим, т.е. единым для всех, так как любая автономная воля установит один и тот же закон. Кант пишет, что устанавливая всеобщий закон, человеческая воля наделяет ценностью все сущее в мире, поэтому она и стоит над всякой ценностью, т.е. обладает достоинством.

При таком понимании человеческого достоинства возникает вопрос: обладает ли достоинством человек, который не реализует свою способность следовать всеобщему закону? Во множестве мест Кант указывает, что достоинством обладает лишь определенный образ мыслей, и лишь автономная воля есть основание достоинства человека³, что достоинство состоит в том, чтобы примерять к самому себе любые максимы поведения⁴, что только независимость максимы от достижения выгоды и т.п. мотивов делает принявшее ее разумное существо достойным, что достойна та личность, которая выполняет свой долг⁵, без соответствия же с моральным законом личное достоинство сводится на нет⁶, что не пренебрегающий своим долгом сохраняет в своем лице достоинство человечества⁷, и «всякое достоинство зависит от нравственного поведения»⁸. При таком понимании достоинством, очевидно, будет обладать не всякий, а лишь нравственный человек.

Одновременно Кант отмечает следующее: не само по себе подчинение личности моральному закону образует ее достоинство, а тот факт, что это ею же установленный моральный закон, «и достоин-

¹ Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р. М. Валеева. М., 2001. С. 83–85.

² См.: *Кант И.* Основы метафизики нравственности. СПб., 2007. С. 95.

³ Там же. С. 96. Относительно образа мыслей см. также: *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 2007. С. 182.

⁴ *Кант И.* Основы метафизики нравственности. СПб., 2007. С. 98.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ *Кант И.* Критика практического разума. СПб., 2007. С. 189.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ Там же. С. 232.

ство человечества состоит именно в этой способности устанавливать всеобщие законы, хотя и с условием, что в то же время оно само будет подчиняться именно этому законодательству»¹. Таким образом, мы видим, что достоинство человека, с одной стороны, состоит в его способности наделять что-либо ценностью, с другой стороны, в его способности следовать тем ценностям, которые он сам же установил². По всей видимости, мысль Канта состоит в том, что уже сама по себе «возможная для нас в идее воля» (т.е. автономная) делает человечество (но не человека!) обладающим достоинством, но достоинство каждого конкретного человека все же зависит от реализации этой идеи. Не случайно в формулировке категорического императива безусловная цель — человечество, а отдельные люди — лишь постольку, поскольку они являются его частью. Таким образом, безусловным достоинством обладает лишь человечество как абстрактный носитель нравственной способности, а отдельный человек может называться достойным лишь постольку, поскольку он эту способность реализует.

Если же мы обратимся к учению Канта о праве, то обнаружим, что право для него является в некотором смысле лишь средством морали. Он пишет, что «право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»³. Но что это за всеобщий закон? Безусловно, это закон нравственный. Речь идет о таких правилах поведения, которые избрала бы автономная воля и которые поэтому могут быть всеобщими. Именно их дозволяет и предписывает право. Запрещает же оно те правила поведения, которые всеобщими быть не могут. Единственное, что право не может — это заставить человека поступать не просто в соответствии с такими правилами поведения, а из уважения к ним и к обуславливающему их категорическому императиву. Сказанное означает, что право не дозволяет безнравственные поступки (те, которые неправильны независимо даже от мотива, которые автономная воля вообще не могла бы желать). Право, таким образом, не должно допускать недостойного поведения. И это важный сигнал для будущей идеологии прав человека.

Современные обоснования прав человека

Сегодня далеко не все считают, что права человека вообще должны быть или могут быть обоснованы. Одни ученые, такие как А. Этциони,

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. СПб., 2007. С. 100.

² С этих позиций можно оценить подходы П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Н. Н. Алексева. См.: Фролова Е. А. Философия права в России. Неокантианство (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2019.

³ Кант И. Метафизика нравов. СПб., 2007. С. 285.

полагают эти права самоочевидными и не требующими обоснования¹. Другие, в частности Ч. Тейлор, утверждают, что в зависимости от конкретной культуры могут быть предложены различные обоснования одних и тех же прав человека (тогда сами права при этом образуют нечто вроде ролзовского «перекрывающего консенсуса»)². Вместе с тем множество мыслителей пытаются дать философское обоснование правам человека, и здесь влиятельной является либеральная традиция, основанная на тезисе о достоинстве (высшей ценности) личности. Идея, возникшая еще в эпоху Просвещения и Великой французской революции, состоит в том, что каждый человек волен по собственному усмотрению выбирать свой образ жизни, конкретные занятия и жизненный путь, однако необходимо всесторонне обеспечить его возможностью такого выбора. Рассмотрим в связи с этой идеей кратко взгляды некоторых западных ученых.

Выяснение условий, при которых каждый смог бы реализовать свою «концепцию блага» — центральная задача знаменитой теории справедливости Дж. Ролза, с нею связан и лежащий в ее основе принцип приоритета права над благом³. Принципы справедливости, предложенные Дж. Ролзом, касаются распределения социальными институтами основных благ, которые автор рассматривает как «средства для всех возможных целей» (all-purpose means), обеспечивающие каждому возможности следовать своим представлениям о хорошо прожитой жизни. Моральные (естественные) обязанности индивидов автор выводил уже после того, как им обоснованы принципы справедливости социальных институтов: первые, по всей видимости, не должны противоречить вторым, но это у Ролза нигде толком не обосновано⁴. Добродетели рассматриваются данным автором лишь как склонности действовать в соответствии с правильными принципами, а потому также не могут противоречить правильным принципам справедливости (хотя не до конца ясно, как они должны соотноситься с добродетелями, которые, например, следуют из правильных принципов эффективности или из естественных обязанностей индивидов)⁵. Таким образом, не справедливое устройство общества видится средством для торжества морали (как это имеет место у Канта), а наоборот.

¹ *Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // Human Rights Quarterly. 2010. Vol. 32. No. 1, P. 190.*

² *Taylor Ch. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights / ed. J. R. Bauer and A. Daniel Bell // The East Asian Challenge For Human Rights. New York, 1999.*

³ *Ролз Дж. Идея блага и приоритет права // Современный либерализм. М., 1998. С. 76–77.*

⁴ *Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2010. С. 104–105.*

⁵ Там же. С. 275, 351, 356, 381–382.

А. Гевирт полагал, что хотя само по себе наличие моральной способности у человека не порождает прав, но каждый человек как актер (agent), стремясь быть логически непротиворечивым, должен будет признать у всех людей (таких же agents) наличия так называемых родовых прав на свободу (способность выбирать цели как необходимое условие деятельности) и благополучие (способность реализовывать цели как необходимое условие успешной деятельности). Это обстоятельство ученый пытается обосновать посредством утверждения, что в основе любой моральной системы лежит понятие действия. Для осуществления действий необходимы определенные предпосылки, и среди них две общепризнанных: добровольность и внешняя свобода. При этом важнейшей характеристикой действия Гевирт считает целенаправленность (стремление к благополучию), поэтому для осуществления действия требуются также минимально благоприятные обстоятельства и условия (благополучие). Каждый агент остается таковым (т.е. способным достигать хоть какие-то цели) лишь при наличии свободы и благополучия, а потому должен воспринимать их как неотъемлемые блага. Отсюда он утверждает свое право на эти блага. Но поскольку другие также являются агентами, либо, по крайней мере, претендуют на этот статус, то и они имеют те же права на тех же основаниях. Так возникают права человека. Базовое благополучие обеспечивается правом на жизнь, физическую целостность и психическое равновесие (basic rights), поскольку они необходимы для любой целенаправленной деятельности вообще. Неотчуждаемость достигнутого уровня благополучия обеспечивается защитой от преступных посягательств (nonsubtractive rights), а рост этого благополучия — правом на образование и т.п. возможностями для соответствующей деятельности (additive rights)¹. Д. Гриффин также утверждает, что лучшим оправданием прав человека является понятие «агентства» (agency), которое он поясняет так: «Мы, человеческие существа, имеем способность формировать представления о том, какой была бы хорошая жизнь, и пытаться реализовать эти представления. Мы ценим свой статус агентов особенно высоко, часто даже более высоко, чем наше счастье. Права человека могут поэтому рассматриваться как защита нашего агентства — того, что можно назвать нашей личностью (personhood)»². Проблема подобного подхода заключается в определении критерия, по которому

¹ *Gewirth A. Why There Are Human Rights // Social Theory and Practice. 1985. Vol. 11. No. 2. P. 235–237; Gewirth A. Duties to Fulfill the Human Rights of the Poor / ed. by T. Pogge // Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes what to the very Poor? Oxford, New York, 2007. P. 219–226.*

² *Griffin J. Discrepancies between the Best Philosophical Account of Human Rights and the International Law of Human Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. No 101. P. 4.*

мы можем судить о том, что наше «агентство» уже защищено, и тех границ, в рамках которых его притязания можно считать правами.

Г. Шу также трактует основные права человека в качестве минимально разумных требований человека к остальным людям, связанных с возможностью здоровой и активной жизни. Права человека (*moral rights*), по его мнению, представляют собой некий разумный уровень социальной защиты его бытия от стандартных (предвидимых и устранимых) угроз¹. При этом основными правами человека (*basic rights*) являются те, использование (*enjoying*) которых необходимо для использования всех других прав, и поэтому первые не могут быть принесены в жертву вторым². К таковым автор относит право на безопасность, право на средства к существованию, право на свободу (передвижения) и право на участие в политической жизни. Однако, как убедительно показал Т. Погге, ни одно из этих четырех прав, равно как и ни одно право вообще, не удовлетворяет тому определению основных прав, которое предложил Шу (как бы мы ни понимали его термин «*enjoying*»)³. Именно поэтому Э. Эшфорд, совершенствуя подход Г. Шу, трактует права человека в качестве средств защиты базовых интересов рационального агента, его «минимально достойной и автономной жизни», от стандартных угроз. С этой точки зрения, даже если то или иное право не является строго необходимым для пользования другими правами, оно, тем не менее, может относиться к правам человека⁴. По собственному признанию автора, она объединяет в своей теории утилитаризм (идею благосостояния и интересов) и кантианство (идею достоинства и автономии)⁵. Обоснование прав с точки зрения некоторых наиболее значимых интересов предоставляют также И. Раз, Д. Уолдрон и Д. Тасиулас, которые, наряду с Г. Шу и Э. Эшфордом, допускают существование таких прав человека, которым корреспондируют лишь несовершенные обязанности⁶. Впрочем, Т. Погге также исходит из понимания прав человека как совокупности широко распространенных и принятых ценностей, связанных с представлениями о том, в чем

¹ *Shue H.* Basic rights: subsistence, affluence and U.S. foreign policy. Princeton, 1980. P. 13, 32.

² *Ibid.* P. 19.

³ *Pogge T.* Shue on rights and duties // *Global basic rights*/ ed. by Ch. R. Beitz and R. E. Goodin. Oxford, New York, 2009. P. 113–130.

⁴ *Ashford E.* The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties // *Global basic rights Oxford* / ed. by Ch. R. Beitz and R. E. Goodin. New York, 2009. P. 92–112.

⁵ *Ashford E.* The Duties Imposed by the Human Right to Basic Necessities // *Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes what to the very Poor?* / ed. by T. Pogge. Oxford, New York, 2007. P. 186–187.

⁶ *Tomalty J.* On subsistence and human rights. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St. Andrews. 2011. P. 57–63, 75–81.

обычно нуждается человек для того, чтобы иметь «минимально стоящую жизнь»¹. На этом основании автор выделяет три основных права: свобода совести, политическое участие и основные блага (включая право на средства к существованию). Однако последнее право автор трактует узко (как негативное, которому соответствуют лишь совершенные обязанности), пытаясь таким образом согласовать его с либертарианской доктриной и с таким понятием субъективного права, которое немислимо без четкого определения обязанного лица, его корреспондирующей обязанности и ответственности за ее несоблюдение, тем самым ограничивая теорию прав как интересов.

Б. Оренд в своей кантианской (как он ее называет) трактовке прав человека, которую он обосновывает, ссылаясь на Гевирта и Шу, также начинает с того, что каждый человек является рациональным агентом, т. е. способен выбирать между различными направлениями действий. Но для того, чтобы человек функционировал как рациональный агент, по мнению данного автора, жизненно необходимо удовлетворение некоторых базовых его потребностей: 1) личная безопасность; 2) материальное положение; 3) равенство; 4) свобода; 5) признание (членство)². Оренд постулирует, что если у человека нет возможности быть рациональным агентом, то его жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. Следовательно, для удовлетворения вышеуказанных потребностей допустимо принуждение, если при этом не подрывается статус других лиц как рациональных агентов; общественно-политические институты, систематически не способные защищать удовлетворение данных потребностей от стандартных угроз, не могут считаться легитимными³.

¹ Pogge T. Human Rights and Human Responsibilities // Global Responsibilities: Who Must Deliver on Human Rights / ed. by Andrew Kuper. New York, 2005. P. 14.

² Orend B. War and international justice. A Kantian perspective. Waterloo (Ontario), 2000. P. 102–103. «Личная безопасность означает защиту от серьезного насилия, которое может поставить под угрозу его жизнь и основные аспекты его физического и психического благополучия. Материальное обеспечение означает удовлетворение основных физических потребностей — в частности, в минимальных стандартах пищи, питьевой воды, свежего воздуха, одежды, жилья и основных профилактических медицинских услуг — и/или наличие дохода, достаточного для удовлетворения таких потребностей. Равенство означает, что мы как моральные существа должны считаться равными по своей внутренней ценности с другими разумными существами, а не страдать от произвольной и необоснованной дискриминации. Свобода означает возможность преследовать свои собственные цели и делать собственный рациональный выбор, быть свободным от вмешательства в определенное личное пространство и развивать свою личную идентичность, целостность и автономию. Наконец, признание означает нашу глубокую потребность как социальных существ в подтверждении нашей собственной человечности, нашего собственного рационального потенциала и ценности, а также нашей собственной принадлежности к человеческому сообществу и полноправному членству в нем».

³ Ibid. P. 105.

Надо сказать, что подобный подход, в котором в качестве фундамента права человека рассматривается «агенсу», подвергается в современной западной литературе сомнениям. Его подход критикует, например, Д. Никел, который, с учетом существования множества различий во взглядах и культурных отличий, предлагает множественное основание прав человека, а именно: обеспеченное требование иметь жизнь, распоряжаться ею, не подвергаться жестокому, унижающему достоинство или явно несправедливому обращению¹. Но хотя сама идея множественного основания на первый взгляд выглядит привлекательно, тот ее вариант, который предложил данный ученый, сомнителен, так как все предложенные им основания сами представляют собой несколько прав человека, выделенных на фоне остальных, и автор сам же признается, что у предложенных им оснований имеется объединяющая идея — обеспечение «минимально достойной жизни», защита человеческого достоинства и «агентства». Сторонники выведения прав человека из некоторых наиболее значимых интересов также не всегда соглашались с «узким» обоснованием прав человека путем отсылки к свободе и автономии личности, предпочитая более плюралистичный подход. Однако здесь возникают проблемы, связанные с чрезвычайной множественностью интересов и субъективной оценкой их значимости, в результате правами человека могут оказаться любые права, необходимые для реализации «наиболее значимых» интересов, что фактически означает, что правами человека являются наиболее значимые права, а это весьма неясное определение. Дж. Ролз в работе «Право народов» также пытается дать такую трактовку правам человека, которая подходила бы и для либеральных, и для «иерархических» обществ. В результате он ссылается на права человека только как на средство обеспечения удовлетворения базовых интересов (потребностей) членов какого-либо общества, а не как на средство самовыражения и реализации собственной концепции блага². Но и этот подход в научной литературе распространения не получил, так как по сути является инструменталистским, необходимым Ролзу лишь для целей выведения принципов справедливости международных отношений (в частности, для решения вопроса о том, когда государство становится изгоем, в отношении которого возможны вооруженные меры), к тому же порождает дуализм «либеральных прав» (которые должны признавать все) и «прав человека» (некоего минимума «либеральных прав»)³.

Нетрудно увидеть, что во всех этих теоретических построениях, связанных или не связанных с агентством, совершенно отсутствует

¹ *Nickel J. W. Poverty and Rights // The Philosophical Quarterly. 2005. No. 55. P. 391.*

² *Ролз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 79–105.*

³ *Tasioulas J. The Moral Reality of Human Rights // Freedom from Poverty as a Human Right: Who Owes what to the very Poor? / ed. by T. Pogge. Oxford, New York, 2007. P. 86–87.*

нравственный компонент: ограничения прав, связанные с недостойным поведением, не предполагаются, хотя авторы соответствующих концепций постоянно отсылают к представлениям о человеке как моральном существе (*moral agent*), т.е. существе, различающем добро и зло и способном нести ответственность за свои действия. Между тем подобное игнорирование нравственности искажает оригинальную мысль Канта. Право и мораль теперь разделяются не только как обращенные к внешнему и внутреннему соответственно, но и содержательно: содержание прав человека противопоставляется содержанию всеобъемлющих доктрин (терминология Ролза), а сами они таковой не считаются. Таким образом, один из двух аспектов понятия человеческого достоинства в идеологии прав человека оказывается устранным.

Право и нравственность: соотношение идеалов

Разграничение прав человека и всеобъемлющих доктрин отчасти связано с несовершенством самой кантовской философии. С одной стороны, она предусматривала единый идеал поступков, с другой, ее умозрительность вызывала споры относительно того, что именно соответствует идеалу. Так, еще Д. С. Милль обратил внимание, что когда И. Кант пытается выводить из категорического императива «более конкретные моральные обязанности, то терпит неудачу, доходящую до гротеска, поскольку не удается показать неизбежность противоречия, т.е. логической (не говоря уже о физической) невозможности возникновения ситуации, когда бы все разумные существа вдруг приняли самые вопиюще аморальные правила поведения. Ему удается лишь показать, что *последствия* этого могут быть таковы, что едва ли кто решится на столь опасный выбор»¹. В результате последующие мыслители стали разграничивать идеал права, позволяющий каждому реализовывать свои жизненные стратегии в той степени, в которой это не вредит аналогичной возможности других людей, и идеал морали, которая накладывает ограничения на эти жизненные стратегии даже там, где препятствий для других жизненных стратегий не создается. В этом контексте можно понимать идею права как «минимума нравственности». Но при таком понимании совершенно неясно, почему нельзя использовать юридические инструменты для претворения в жизнь, в том числе и идеала морали. Как представляется, либеральная позиция подспудно предполагает верховенства правового идеала над моральным, но для обоснования этого тезиса прибегает к моральным по существу аргументам, и поэтому данная позиция является противоречивой. Если же моральный идеал не ниже по своей значи-

¹ Милль Д. С. Утилитаризм. Ростов н/Д, 2013. С. 35.

мости, чем идеал правовой, то это означает, что средства для реализации индивидом своих жизненных стратегий могут быть ограничены по основаниям, не связанным непосредственно с необходимостью предоставить аналогичные средства другим индивидам. Мешают ли, например, клонирование, жестокое обращение с животными или гомосексуальные браки кому-либо из людей жить так, как они желают? Полагаем, решающие аргументы (если таковые вообще имеются) к запрету указанных явлений будут лежать в ином ключе. И в этом смысле весьма убедительна ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая допускает ограничения прав человека в целях защиты нравственности. Проблема в том, что для определения допустимости тех или иных ограничений мы должны иметь не только убедительную теорию прав человека, но и убедительную моральную теорию. Отсюда теснейшая связь философии права и этики, и необходимость их совместного (!) изучения. Только так можно вернуть понятию человеческого достоинства его изначальное значение, более того — выработать теорию справедливости, которая стала бы консенсусом либеральных и иных общественных сил.